

писях третьей четверти XVII в. и цитируется на рисунке, созданном, по всей вероятности, между 1666 и 1690 г. Имеющиеся сейчас данные позволяют датировать «покаянен» второй половиной XVII в. (возможно, ближе к середине этого столетия).

Василий Кондаков сокращает текст, используя первые четыре стиха. Сокращение надписей — как прозаических, так и стихотворных — встречается в древнерусском искусстве очень часто. Известны случаи использования первых стихов другого песнопения из «покаянных на осмь гласов» — «Плач Адама».¹⁷

«Покаянен» «Хитроглаголиво слово. . .» и в рукописи, и на рисунке, в соответствии с жанром этих лирических песнопений, написан от первого лица. Но это не значит, что надпись является прямой речью изображенного на рисунке героя. Отношения надписи и изображения более сложны. Надпись нельзя назвать также и прямым комментарием. Если бы художник переменял личностные формы, сменив форму «мене» на «тебе», зритель обращался бы «на ты» к изображенному на рисунке «трубачу», осуждая несоответствие его импозантного вида «зломысленному сердцу»: «Хитроглаголиво слово и певец dobroгласия, увеллива уста, быстростружуща речь языка не избавит тебе от муки». В таком случае надпись обрела бы абсолютную цельность прямого назидательного комментария. Однако художник этого не делает, и оставление личностной формы лирического «покаяния» призвано преодолеть момент окончательного осуждения другого человека. Замечая в другом плохое, противоречивое, или, говоря в категориях мировоззрения эпохи, — вредное для спасения, могущее привести к «вечной муке», художник формой «мене» утверждает, что «хитроглаголивая» речь, желание человека представить себя лучше, чем он есть на самом деле, и «потрубить» о себе, интересуясь больше внешностью, чем сущностью своего «я», свойственны, особенно в молодости, не только «тебе» — трубачу, но и «мене» — художнику и зрителю. Пафос рисунка и надписи к нему не в насмешке и осуждении человека с позиций собственной безгрешности, а в назидании и нравственной помощи всем — «тебе» и «мене». Думается, этим объясняется отсутствие в рисунке того, что мы называем теперь каррикатурностью.¹⁸ «Трубач» действительно очень красив, но это, как мы узнаем из надписи, красота лишь внешняя. Изобразительный и литературный ряд, неотделимые друг от друга, представляют собой как бы два высказывания автора рисунка о своем герое: герой красив, величав, самодоволен, а ему нужно задуматься о «внутреннем», не «трубить», а, быть может, лучше бы вспомнить ему распетый на старинный знаменный распев покаянный стих. Так же следует, по мысли автора, поступить и всем, кто смотрит на его назидательный рисунок.

Особую важность для осмысления всей полноты художественных ассоциаций, вызываемых рисунком, — полноты, доступной современнику художника, но уже утраченной для зрителя нашего времени, — приобретает расшифровка покаянного песнопения, цитируемого на рисунке. Расшифровка крюковой нотации «Хитроглаголива слова. . .» и анализ его музыкальных особенностей, сделанные Т. Ф. Владышевской,¹⁹ пока-

¹⁷ Ф. И. Буслеев. Заметки о старине и народности. Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. Т. 1. М., 1859, с. 151; Е. В. Петухов. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895, с. 305—306.

¹⁸ Ср., например, с рисунком протопопа Аввакума «Зри круга начертание» в Пустозерском сборнике (Древлехранилище ИРЛИ, оп. 24, № 43, л. 2). Если гротескные каррикатуры на иерархов можно объяснить непрофессиональным уровнем рисовальщика, то характер откровенно ругательных надписей не оставляет сомнений в ином подходе Аввакума к «материалу».

¹⁹ Т. Ф. Владышевская. «Покаянен» «Хитроглаголиво слово. . .» в нотированной рукописи XVII в. (настоящее издание, с. 338 и сл.).